

Люсинда РАЙЛИ

Люсинда РАЙЛИ

**СВЕТ
ЗА ОКНОМ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
P18

Серия «Свет в океане»

Lucinda Riley

THE LIGHT BEHIND THE WINDOW

Перевод с английского Э. Меленевской

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Райли, Люсинда.

P18 Свет за окном : [роман] / Люсинда Райли ; [пер. с англ. Э. Меленевской]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 448 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-084945-1

Одинокая молодая женщина Эмили, унаследовавшая огромное поместье в Провансе, с благодарностью приняла помощь и поддержку привлекательного англичанина Себастьяна Карратера.

А потом — и его предложение руки и сердца...

Молодожены уехали вместе в фамильное имение Себастьяна в Йоркшире.

И именно там Эмили нашла одну старинную записную книжку. Книжку, хранящую в себе загадочную историю любви, предательства и утраты, семейных интриг и семейных тайн...

Она убеждается: прошлое отбрасывает длинные тени.

Но неужели события, случившиеся много десятилетий назад, способны повлиять не только на настоящее, но и на будущее Эмили и ее близких?..

УДК 821.111-31
БК 84(4Вел)-44

© Lucinda Riley, 2012

© Перевод. Э. Меленевская, 2018

ISBN 978-5-17-084945-1

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Посвящается Оливии

Ты тот, кто есть, по случаю рожденья;
я тот, кто есть, благодаря себе.

Людвиг ван Бетховен

СВЕТ ЗА ОКНОМ

Беспросветная ночь;
Тьма — тот мир, что я знаю.
Тяжкий крест;
Ни огонька за окном.
Днем полегче;
День — рука, протянутая сквозь мрак.
От легкого прикосновенья
В комнате становится теплей.
Время сумерек;
Тени мерцают вокруг.
Тайное вождельенье;
Сердце полнится нежностью,
Бьется, как в первый раз.
Свет, только свет;
Тьма была моим миром,
А теперь — пылает-сверкает
Моя любовь.

Софи де ла Мартиньерес
Июль 1943

Глава 1

Гассен, юг Франции
Весна 1998

Ладонь разжалась. Эмили пристально смотрела на мать. Душа отлетала, вместе с ней отступала искажавшая черты боль, и в измученном, обострившемся лице проявилась его красота.

— Ваша матушка покинула нас, — пробормотал врач.
— Да.

Стоя позади, он забормотал молитву, присоединиться к которой мысли у нее не возникло. Нет, Эмили всматривалась, со странным, болезненным любопытством всматривалась в сереющую оболочку, воплощавшую собой то, что осталось от существа, так бесконечно много значив-

шего для нее все тридцать лет ее жизни. Мелькнула даже мысль последовать порыву и встряхнуть маму, чтобы она очнулась, поскольку простой факт перехода из жизни в смерть — принимая во внимание мощь характера Валери де Мартиньерес — не умещался в сознании.

Эмили не понимала, что она должна чувствовать. За прошедшие недели она столько раз проигрывала в уме этот миг! Оторвавшись от лица матери, она перевела взгляд на распахнутое окно, где в синем небе плыли пряди облаков, растрепанные, как выложенные на противень меренги. Издалека доносилась песнь жаворонка. Тот заливался в вышине, воспевая весну.

С усилием встав — за долгие часы бодрствования затекли ноги, — она подошла к окну. В рассветный час открывшаяся перед ней перспектива выглядела особенно легкой, прозрачной. Позже дневное солнце придаст краскам плотности, утяжелит их. Природа каждое утро пишет свежее полотно — исполненный нежными красками прованский пейзаж: умбра, лазурь, зелень. Эмили окинула взглядом террасу, парк с симметричными аллеями и газонами, волнистые виноградники, что, окружая дом, уходили за горизонт. От этого зрелища, неизменного столько столетий, захватывало дух. Обширное поместье, сердцем которого был усадебный дом или, как его называли, шато, всегда, с самого ее детства, в глазах Эмили олицетворяло прибежище, где царили мир и покой; его надежность и безмятежность крепко-накрепко впечатаны в каждую клеточку ее мозга.

И теперь все это принадлежит ей — хотя осталось ли после финансовых проблем матери, на что содержать шато, Эмили понятия не имела.

— Мадемуазель, я оставляю вас, чтобы вы могли попрощаться, — ворвался в ее мысли голос врача. — Спускаюсь вниз, заполню какие полагается документы. Позвольте принести вам мои глубочайшие соболезнования. Мне чрезвычайно жаль, — и, поклонившись, он вышел из комнаты.

Ему жаль... А вот мне — жаль ли? — непрошенно мелькнуло у нее в голове. Эмили вернулась к своему креслу, села и попыталась разобраться в той душевной сумятице, в которую ввергла ее смерть матери. Хотелось определенности, и она принялась размышлять, взвешивать все «за» и «против». Но, разумеется, ничего из этого не вышло. Женщина, которая лежала сейчас так недвижно, так непоправимо тихо и так невинно, при жизни являла собой существо столь неоднозначное и противоречивое, что к простому знаменателю было никак, никак не прийти.

Валери дала дочери жизнь, она кормила и одевала ее, она дала ей крышу над головой. Она никогда не била и не оскорбляла ее.

Она ее просто не замечала.

Валери дочерью — Эмили искала словцо поточнее — не интересовалась. Отчего она, дочь, чувствовала себя невидимкой.

Эмили протянула руку и накрыла ладонью ладонь матери.

— Ты не замечала меня, мама... ты меня не замечала...

С болезненной ясностью осознавала она, что явление ее на свет означило собой неохотный кивок в адрес необходимости произвести роду де ла Мартиньерес наследника, требование, выполненное скорее из чувства долга, чем из стремления к материнству. И, узрев перед собой наследницу, а не отпрыска мужского пола, что полнее отвечало бы запросам, Валери незамедлительно утратила к ней интерес. Слишком зрелая, чтобы зачать снова — Эмили появилась в последнюю вспышку плодовитости, когда роженице исполнилось уже сорок три года, — Валери продолжила свою жизнь очаровательной и гостеприимной красавицы, хозяйки одного из самых популярных салонов в Париже. И рождение дочери, и ее присутствие в доме значило в глазах матери вряд ли больше, чем приобретение лишнего щенка чихуахуа в добавление к тем трем, что уже имелись. В точности как собак,

Эмили выносили из детской к гостям, когда мама находила приличным на людях ее приласкать. И собакам еще можно было завидовать, они утешались обществом друг друга, тогда как Эмили долгие дни своего детства провела в одиночестве.

Не помогало и то, что досталась ей внешность отца, а не нежные, хрупкие черты славянских предков блондинки-матери. Эмили уродилась типичной де ла Мартиньерес — крупный ребенок с оливковой кожей и густыми коричневато-рыжими волосами, которые раз в шесть недель подстригали «под пажа», так что над темной полоской бровей нависала тяжелая челка.

— Смотрю я на тебя порой, дорогая моя, и с трудом верится, что это я тебя родила! — восклицала мать, заходя в детскую перед тем, как отправиться в оперу. — Но по крайней мере глаза у тебя — мои.

А Эмили как раз хотелось, бывало, вырвать свои темно-синие зрачки из глазниц и заменить их прекрасными ореховыми глазами отца. Она считала, что синие к ее лицу не подходят, а кроме того, каждый раз, глядясь в зеркало, она видела свою мать.

Поневоле приходилось признать, что она от рождения обделена талантами, которыми могла бы гордиться мать. Когда Эмили, трехлетнюю, повели на уроки танца, выяснилось, что тело ее ни в какую не хочет подчиняться балетным требованиям. Другие девочки порхали по студии, как мотыльки, а ей попытки выглядеть грациозно стоили мучительных усилий. Маленькие широкие ступни норовили прочно устроиться на земле, и всякая попытка сделать изящный прыжок кончалась падением. Уроки игры на фортепиано оказались равно безуспешны, и о пении, в отсутствие музыкальности, не могло быть и речи.

Точно так же тело ее не могло приноровиться к тем женственным платьям, в которые мать настойчиво ее наряжала, если предстоял выход в свет или же вечерний прием, один из тех суаре, которые Валери устраива-

ла в изысканном, полном роз саду позади их парижского дома. Сев где-нибудь в уголке, Эмили восхищалась элегантными, пленительными женщинами, которые двигались с невероятной грацией. Эмили же во время светских мероприятий, что зимой в Париже, что летом в Провансе, неизменно было не по себе. Так что и материнской светскости ей не досталось.

И все-таки, она ни в чем не нуждалась. Детство словно из сказки, в красивом парижском особняке, гнезде аристократического рода, уходящем корнями в глубь веков, с наследным богатством, пережившим военное время! — это была жизнь, о которой большинство французских девочек могло только мечтать.

И, что ни говори, у нее был отец, которого она обожала. Пусть даже не более внимательный к дочери, чем к маме, по причине всепоглощающей страсти к собирательству редких книг — и коллекция, которую он держал в шато, неуклонно росла и ширилась, — тем не менее, когда ей удавалось перехватить его внимание на себя, он выказывал Эмили и любовь, и привязанность, которых ей так не хватало.

Папа было шестьдесят, когда она родилась, а умер он, когда ей было четырнадцать. Времени вместе они провели немного, но Эмили хорошо понимала, что как личность она во многом сформировалась под его влиянием. Эдуард, человек спокойный и вдумчивый, предпочитал свои книги и царящий в шато покой постоянному потоку гостей, без которых мама жизни не мыслила. Эмили часто гадала, как случилось, что два столь противоположно заряженных человека полюбили друг друга. Но Эдуард, похоже, обожал жену, которая была значительно моложе него, нимало не корил ее за расточительство, хотя сам жил скромнее, и гордился ее красотой и тем местом, которое она занимала в парижском свете.

Каждый раз, когда лето катилось к концу и Валери с Эмили приходила пора возвращаться в Париж, девочка умоляла отца позволить ей остаться в шато.

— Папа, мне так нравится жить здесь с тобой... В селе есть школа... Я могу там учиться и заботиться о тебе... Согласись, папа, тебе здесь без нас одиноко...

Эдуард нежно брал ее за подбородок и отрицательно качал головой:

— Нет, маленькая моя. Я очень тебя люблю, но ты должна вернуться в Париж, чтобы учиться там и стать такой дамой, как твоя мама.

— Но, папа, я не хочу ехать с мамой, не хочу быть дамой, я хочу остаться здесь, с тобой...

И потом, когда ей стукнуло тринадцать... Она смахнула слезу, по-прежнему не в силах спокойно думать о том времени, когда безразличие матери обернулось трагедией, от последствий которой ей, Эмили, предстоит страдать до конца ее дней.

— Как могла ты не видеть, что происходит со мной, мама? Как могла смотреть сквозь меня? Ведь я твоя дочь! — вскричала она, вернувшись к реальности.

Но тут мать вздрогнула. Эмили в ужасе подскочила. Господи милосердный, неужто мать жива и слышит, что она говорит? Но, наученная, что в таких случаях делать, взяла мать за кисть, проверила пульс, и биения под пальцами не нашла. Разумеется, то было всего лишь последнее движение жизни, содрогание мускула перед тем, как расслабиться навсегда.

— Мама, я постараюсь простить тебя. Я постараюсь понять, но вот прямо сейчас — нет, я не могу сказать, счастлива я или горюю, что ты умерла. — Горло перехватило, включился защитный механизм, мешающий произносить такие слова вслух. — Как сильно я любила тебя, мама! Как старалась, изо всех сил старалась понравиться тебе, добиться любви и понимания, признания, что я достойна тебя... Чего я только не делала... Я из кожи вон лезла! — Эмили изо всех сил стиснула кулаки. — Ведь ты мне мать!

Звук собственного голоса, разнесшийся по просторной спальне, испугал ее так, что она замолчала, упершись взглядом в фамильный герб де ла Мартиньересов, двес-

ти пятьдесят лет назад написанный маслом на массивном изголовье кровати. Поблекшие от времени два диких кабана сошлись в схватке на фоне геральдических лилий, а под ними — едва заметный девиз: «Победа — это все».

Ее охватила дрожь, хотя в комнате было тепло. Стояла оглушительная тишина. Дом, в котором когда-то бурлила жизнь, ныне являл собой не более чем остов, в котором жили только воспоминания. Эмили перевела взгляд на кольцо-печатку, надетое на мизинец ее правой руки, с фамильным гербом в миниатюре. Она — последний представитель рода де ла Мартиньерес.

Сознание того, сколь многие поколения предков предшествовали ей, тяготило. Как грустно, что от старинного и благородного рода осталась одна она, незамужняя, бездетная тридцатилетняя женщина. Много столетий семья браво справлялась со всеми историческими перипетиями: революциями, эпидемиями и битвами, но после двух мировых войн, Первой и Второй, в живых остался только ее отец.

Здесь есть и свой плюс: по крайней мере она избавлена от обычной в таких случаях дележки наследства.

По кодексу Наполеона, который давным-давно устарел, все братья и сестры являются прямыми наследниками своих родителей и наследуют в равных долях. Множество семей оказывались на грани разорения, когда кто-то из детей упирался, не соглашаясь на продажу имущества. Как это ни печально, в данном случае все «*les héritiers en ligne directe*» — наследники по прямой — сводятся к ней одной.

Эмили глубоко вздохнула. Возможно, продавать придется и ей, но об этом будет время подумать позже. А сейчас надо прощаться.

— Покойся с миром, мама.

Она легонько коснулась губами ее лба.

Перекрестилась.

Тяжело поднялась с кресла и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Глава 2

Две недели спустя

Эмили взяла свой завтрак, круассан и кофе с молоком, и через кухню вышла в благоухающий лавандой задний дворик.

Усадьба фасадом смотрела строго на юг, так что лучше места, чтобы погреться в лучах утреннего солнышка, было не найти. Начинался чудесный, мягкий весенний день — до того теплый, что на воздух можно было выйти в одной футболке.

Двое суток назад, в Париже, в день похорон ее матери безостановочно лил дождь. На поминках — устроенных, по желанию Валери, в «Ритце» — Эмили приняла соблезнования от влиятельных мира сего. Дамы, в большинстве своем ровесницы ее матери, все в черном, напоминали стайку престарелых ворон. В разнокалиберных шляпках, скрывающих поределье прически, усохшие от времени, с обвисшей кожей, раскрашенные, как маски, они с трудом передвигались на неверных каблучках, попивая шампанское. В лучшие свои времена они считались самыми красивыми и влиятельными женщинами Парижа. Однако же те времена миновали, и их вытеснила набежавшая волна молодых потрясательниц основ и вершительниц судеб. А теперь бедняжкам только и оставалось, что ждать смерти, с грустью подумала Эмили на ступеньках «Ритца», подзывая такси, чтобы ехать домой. С горя и от усталости она выпила больше обычного и на следующее утро проснулась с головной болью.

Но худшее уже позади, утешила она себя глотком кофе.

Последние две недели были без остатка заполнены приготовлениями к похоронам. Эмили считала, что ее долг перед матерью — устроить Валери такие проводы, какими та сама была бы довольна. Оказалось, это очень непросто, а порой даже мучительно, сделать выбор, что

подать к кофе — кексики, печенье или пирожные, и достаточно ли выразительны пышные кремовые розы, которым Валери всегда отдавала предпочтение, если расставить их по столам? Мать, та каждую неделю такие решения принимала сотнями, причем управлялась с такой легкостью, что Эмили заново прониклась к ней уважением.

И теперь — Эмили подставила лицо солнцу, нежась в его ласковом тепле, — пришла пора подумать о будущем.

Жерар Флавьер, семейный нотариус, в руках которого находятся все юридические и имущественные дела семьи де ла Мартиньерес, уже едет в Гассен из Парижа. Нет никакого смысла строить планы, пока он не расскажет, в каком финансовом положении поместье. Эмили взяла на работе месячный отпуск, чтобы вникнуть в дела, что, надо полагать, будет непросто. Поневоле пожалеешь об отсутствии братьев-сестер, чтобы разделить это бремя. Особой склонности к юриспруденции и финансам у Эмили никогда не было, и ответственность ужасала.

Кожи коснулся мягонький мех, и, глянув вниз, Эмили встретила со скорбным взглядом Фру-Фру, последней собаки матери. Подхватив старушку на колени, она принялась поглаживать ей ушки.

— Похоже, Фру, на всем белом свете мы остались с тобой вдвоем, — прошептала она. — Значит, придется нам приглядывать друг за дружкой, а?

Полуслепая Фру-Фру ответила ей взглядом до того серьезным, что Эмили улыбнулась. Как ей приглядывать за собачкой? Вопрос... Окружить себя животными было ее заветной мечтой, но крошечная квартирка в квартале Марэ и занятость допоздна вряд ли отвечает потребностям собаки, избалованной и воспитанной в роскоши. При всем том, именно в заботе о животных заключаются ее профессиональные обязанности. Беззащитным клиентам, лишенным способности выразить, где у них что болит и что они чувствуют, Эмили посвятила жизнь.